

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения исследуемой в данной работе темы определяется ее местом в анализе двух важнейших для понимания особенностей отечественной истории проблем. Наиболее фундаментальная из них – проблема взаимоотношений крестьянства и государственной власти. В ее рамках на первый план в современных условиях выдвигается проблема отношений государства и сельского населения в периоды функционирования переходных экономических систем, из которых наиболее функционально значимой является сегодня нэп. Второй по важности для понимания российской специфики является проблема исторического опыта проведения в нашей стране радикальных экономических реформ. Особую актуальность в условиях современной общественной практики приобретает анализ осуществления новой экономической политики.

Одной из ключевых в изучении нэпа является проблема его динамики и, в частности, проблема определения временных границ периода становления и развития нэпа на имманентных принципах и периода его свертывания. Официозная советская историография связывала завершение нэпа с «победой социализма в СССР» во второй половине 1930-х гг. В начале перестройки публицисты и историки относили активное свертывание нэпа к 1929 г. Впоследствии точки зрения на этот счет стали более разнообразными. Началом конца новой экономической политики разные исследователи называют разные годы, начиная едва ли не с 1922 и заканчивая 1928 г.¹

Такой разнотой мнений связан с различиями в понимании сущности нэпа, выборе сферы анализа и его критериев. И это вполне понятно, поскольку нэп является постоянно развивающейся в рамках определенных временных границ системой экономических, политических и идеологических отношений. В каждой из указанных сфер общественных отношений и на границах между ними существует множество подсистем, имеющих свои критерии «нэповости». Вычленение же общего вектора развития нэпа из множества подсистемных векторов весьма затруднительно. Выход из положения может быть найден на путях поиска, а затем и анализа такой подсистемы, в которой в максимально возможной степени были бы заложены сущность и основные противоречия нэпа.

На наш взгляд, эта подсистема должна находиться, во-первых, в сфере экономических отношений (исходя из вербально-сущностного определения нэпа как экономической политики), во-вторых, в сфере взаимоотношений государства и крестьянства (исходя из определения нэпа как политики, направленной на создание экономической смычки с крестьянством), в-третьих, в сфере обмена между городом и деревней (исходя из того, что именно экономические методы обмена являлись центральным звеном смычки), в-четвертых, в сфере обмена сельскохозяйственной продукции (свобода распоряжения которой была главным лозунгом крестьянского повстанческого движения, приведшего большевистское руководство страны к необходимости отмены военно-коммунистических методов изъятия продовольствия). А последнее – это не что иное, как заготовительный рынок сельскохозяйственной продукции. Следует отметить, что заготовительный рынок продолжал оставаться основной сферой столкновения интересов государства и крестьянства на всем протяжении нэпа.

Обнаружив искомую экономическую подсистему, необходимо иметь в виду взаимосвязь экономики и политики, наличие у любого вида экономических отношений специфической политико-правовой надстройки. Последняя в системе взаимоотношений с экономическим базисом может приобретать определяющее значение. Подобная ситуация может возникнуть и возникает в любом типе общества и государства. Для советского государства приоритет политики над экономикой перманентно присущ с момента его рождения. И период нэпа исключением не является. К тому же здесь следует указать на дуализм самого понятия «нэп». С одной стороны, нэп, как указывалось выше, это система общественных отношений, а с другой – экономическая политика государства и правящей в нем партии. И дело здесь не в простой расшифровке аббревиатуры или абстрактно-логических экзерсисах. Указанный дуализм имеет не только и не столько формальный, сколько содержательно-функциональный характер. Следовательно, изучение какой-либо сферы экономических отношений в период нэпа невозможно без анализа государственной политики, направленной на ее регулирование.

Таким образом, заготовительный рынок сельхозпродукции, одновременно являющийся и центральным звеном реформирования экономических отношений и основной сферой столкновения интересов господствующего в стране режима с крестьянством, представляет собой ту совокупность экономических и политических отношений, в которой в максимально возможной степени заложены сущность, содержание и основные противоречия новой экономической политики, и именно на

основе анализа его динамики можно вычленить основные периоды становления, развития и свертывания нэпа.

Наиболее важное значение для понимания нэпа и специфики взаимоотношений крестьянства и власти в период его осуществления имеет изучение хлебного рынка (в силу роли и значения данного продукта в традиционной структуре производства и питания в России). Вторым по размеру денежного оборота и значимости для экспорта и соответственно для получения иностранной валюты в 1920-е гг. был заготовительный рынок животного масла.

Целостную картину функционирования заготовительного сельскохозяйственного рынка в период осуществления новой экономической политики невозможно создать без детального анализа специфики региональных рынков. Региональный аспект темы выходит и на разрешение принципиальной для осмысления исторического опыта нэпа проблемы взаимоотношений центральной и местных элит при разработке и проведении государственной экономической политики. Наиболее специфическим региональным рынком в 1920-е гг. в силу особенностей аграрных отношений и географической удаленности от центра страны была Сибирь.

Хозяйство сибирских крестьян отличалось более высокой степенью самостоятельности и товарности. Сибирь являлась одним из важнейших хлебо- и маслопроизводящих регионов СССР. В 1926/27 г., когда в СССР в целом и в Сибири в частности был собран самый высокий за весь период нэпа урожай хлебов, доля данного региона в общесоюзных показателях составляла по посеву зерновых 8,0%, посеву пшеницы – 14, валовому сбору зерновых – 9, валовому сбору пшеницы – 15, централизованному хлебозакупу – 9, централизованным закупкам пшеницы – 12%. Роль сибирского хлеба особенно возрастала в неурожайные для европейской части страны годы (1921, 1924). Удельный вес региона в общем объеме централизованных хлебозаготовок в 1924/25 г. достиг 13%, а в заготовках пшеницы – 16%². Сибирь являлась основным маслодельческим районом СССР. В середине 1920-х гг. на регион приходилось до 2/5 товарного производства, половины государственно-кооперативных закупок, 2/3 централизованных заготовок, 3/4 экспорта животного масла из страны.

Зерновое и молочно-масляное хозяйство занимало ведущее место в структуре аграрного производства региона. В 1924/25 г. на хлебопродукты приходилось 65% (в стоимостном выражении) валовой продукции сибирского растениеводства; на молочно-масляную продукцию – 55% валовой продукции животноводства. Общий удельный вес хлебопродуктов и молочной продукции в валовом производстве сельского

хозяйства региона в том же году составлял 59%³. Доля зерна и животного масла в общей стоимости всех плановых государственно-кооперативных заготовок в Сибирском крае в 1924/25—1927/28 г. колебалась от 88 до 75% (см.: прилож., табл. XIII).

В Сибири более ярко проявлялись многие особенности и противоречия как отдельных заготовительных кампаний, так и коммерческих заготовок периода нэпа в целом. Регион был своеобразным полигоном, где впервые внедрялись многие формы и методы государственного регулирования аграрного рынка. Именно в Сибири в начале 1928 г. был положен конец самой практике свободных рыночных закупок сельскохозяйственной продукции. Впрочем, сибирский материал отчасти стал основанием и для решения В.И. Ленина о переходе от продразверстки к продналогу и товарообмену⁴.

Исходя из вышесказанного, в качестве объекта настоящего исследования избрана сфера экономических взаимоотношений между городом и деревней, между государством и крестьянством в период осуществления новой экономической политики. Базовая предметная область исследования охватывает заготовительные рынки хлебопродуктов и животного масла в Сибири, политику государства по их регулированию и экономическое поведение сибирского крестьянства в связи с изменениями конъюнктуры рынка и государственной политики.

Основное внимание при анализе обозначенной предметной области сосредоточено на рассмотрении следующих вопросов:

- 1) становление и развитие хлебного и масляного заготовительных рынков Сибири в годы нэпа;
- 2) государственная и местная политика по отношению к частному капиталу;
- 3) эволюция сельскохозяйственных цен и механизма ценообразования, влияние последнего на ход закупок продукции;
- 4) экономическое поведение крестьянства на заготовительном рынке;
- 5) ход и результаты централизованных закупок зерна и животного масла в 1921—1928 гг.;
- 6) особенности отдельных заготовительных кампаний⁵;
- 7) общие закономерности и региональные особенности политики государственного регулирования рынка.

Кроме того, в монографии в процессе изложения или по итогам рассмотрения аналитически выделенных этапов эволюции политики государственного регулирования хлебного и масляного рынка дается краткая характеристика ситуации, складывающейся в это время в сфере заготовок других видов сельскохозяйственной продукции.

Проведенное исследование базируется на таких экономических понятиях, как заготовительный сельскохозяйственный рынок, централизованные закупки и государственное регулирование рынка. Рынок – это сфера свободного (обмен, купля-продажа), а не принудительного (разверстка, натуральный налог) товарооборота. Совокупный товарный рынок состоит из отдельных взаимосвязанных сегментов, различаемых по территориям, видам товаров и типам торговых операций. Сегмент рынка, на котором осуществляется оптовая закупка сельскохозяйственной продукции у ее производителей, определяется нами как заготовительный сельскохозяйственный рынок. Централизованными закупками называются закупки по государственному или региональному заданию (плану), осуществляемые уполномоченными на то заготовительными организациями.

Под государственным регулированием рынка понимается совокупность организационно-административных и экономических мероприятий, направленных на минимизацию стихийности в функционировании рынка. Однако устранение стихийности рынка с помощью организационно-административных мер может привести к его фактической ликвидации и переходу экономики на нерыночные (командно-административные) основы. Критериями рыночности товарооборота сельхозпродуктов являются свобода распоряжения производителями своей продукцией, степень монополизации рынка, а также механизм ценообразования, который может быть либо рыночным, когда заготовительные цены определяются соотношением спроса и предложения, либо директивным. Сферу купли-продажи продукции по директивно устанавливаемым (монопольным) и не соответствующим соотношению спроса и предложения ценам можно определить как квазирынок.

Территориально анализ поставленных проблем ограничен рамками «Сибревкомовской Сибири», а после ее районирования в 1925 г. – Сибирского края. Хронологические параметры работы (1921—1928 гг.) определяются следующими обстоятельствами. В 1921 г. была отменена продразверстка и осуществлен переход к продовольственному налогу и вненалоговым рыночным заготовкам сельхозпродукции. С 1928 г. мы связываем завершение нэпа, поскольку именно тогда партийно-государственное руководство страны на практике дезавуировало (вначале применительно к хлебу) основной «нэповский» принцип, в соответствии с которым крестьянин имел право не только использовать произведенную им продукцию для продажи, но и оставлять ее в своем хозяйстве. Большевицкий режим вновь, как и в период «военного коммунизма», стал определять объемы, которые производитель мог оставить себе и которые был обязан продать государственным и

кооперативным заготовительным организациям. Ограничивая хронологию основной части работы 1921—1928 гг., мы в первой главе с целью краткого описания истории регулирования сельскохозяйственного рынка в предшествующий период выходим за нижнюю временную границу.

Исследование заготовительного сельскохозяйственного рынка периода нэпа и политики его государственного регулирования началось по горячим следам событий в 1920-е гг. Данной проблеме посвящалось множество статей и обзоров как в центральной, так и в региональной периодике, в которых подводились итоги очередного заготовительного года или освещались отдельные аспекты регулирования аграрного рынка. Основное внимание при этом, в силу их первостепенной значимости для экономики страны, уделялось анализу хода и результатов хлебозаготовок. Проблемы государственной политики в сфере сельскохозяйственного оборота затрагивались в выступлениях на различных форумах руководителей Коммунистической партии и советского государства. По мере накопления исходного материала появлялись статьи и брошюры, в которых обобщался опыт нескольких заготовительных кампаний.

На данном этапе развития историографии проблемы были сделаны имеющие концептуальный характер выводы о восстановлении к 1927 г. отмененной в начале нэпа государственной монополии на оборот основных видов сельскохозяйственной продукции, вытеснении из него частного капитала, централизации государственно-кооперативного заготовительного аппарата и переходе от рыночного механизма ценообразования к директивному (плановому). Данную точку зрения не оспаривал никто. Разница в позициях заключалась в том, что лидеры большевистского режима и руководящие работники государственных регулирующих органов оценивали победу над «рыночной стихией» однозначно положительно⁶, а специалисты, принадлежащие к либеральной экономической школе, считали, что подобная победа приведет к восстановлению «военно-коммунистических» методов хозяйствования⁷.

Значительно большую дискуссию в 1920-е гг. вызвала трактовка причин возникновения хлебозаготовительных кризисов периода нэпа. По мнению большинства аналитиков, включая сибирских, кризис 1925/26 г. возник из-за нежелания крестьянства продавать значительную часть произведенного зерна. Стимулы к его реализации снизились, поскольку увеличившемуся платежеспособному спросу деревни не было противопоставлено соответствующее предложение промтоваров. Л.Д. Троцкий, Е.А. Преображенский, В.Г. Громан выводили подобную ситуацию из отставания промышленности в целом от сельско-

го хозяйства⁸; Н.Д. Кондратьев – из форсирования капиталовложений в производство средств производства в ущерб производству средств потребления⁹; А.Л. Вайнштейн – из одновременного и не соответствующего возможностям экономики увеличения фондов накопления (капиталовложения в индустриализацию) и фондов потребления (рост доходов городского и сельского населения)¹⁰. Л.Б. Каменев, Г.Е. Зиновьев, признавая наличие диспропорций в народном хозяйстве, тем не менее расценивали задержку реализации хлеба как акт вполне осознанного сопротивления со стороны численно возросшей и материально окрепшей сельской буржуазии¹¹. Лидеры партийного большинства (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, И.В. Сталин) накануне и во время XIV съезда ВКП(б) при объяснении причин кризиса делали упор на ошибки в планировании и резко критиковали мнение представителей левой оппозиции¹². Однако вскоре их позиция изменилась. В резолюции апрельского (1926 г.) пленума ЦК заявлялось, что хозяйственные затруднения текущего года вызваны опережающими темпами развития сельского хозяйства по сравнению с промышленностью¹³.

Различные точки зрения высказывались и по поводу причины хлебного кризиса 1927/28 г. Для представителей либеральной экономической школы они заключались в замене рыночных механизмов регулирования экономики на директивные¹⁴. Л.Д. Троцкий по-прежнему видел их в отставании темпов развития промышленности¹⁵, Н.И. Бухарин и А.И. Рыков – в нарушении рыночного равновесия и ошибках в планировании¹⁶. И.В. Сталин в январе 1928 г. основным виновником кризиса назвал кулачество, которое сознательно, из антисоветских побуждений, развязало «хлебную стачку», втянув в нее и часть среднего крестьянства¹⁷. Несколько позднее Сталин стал выводить заготовительные трудности и из крайне низкой товарности крестьянских хозяйств¹⁸. Позиция генерального секретаря (особенно по вопросу «вины» кулачества в кризисе) разделялась далеко не всеми руководителями Коммунистической партии. Борьба мнений внутри партийного руководства нашла свое отражение в официальных документах ВКП(б). В резолюции апрельского (1928 г.) пленума «О хлебозаготовках текущего года и об организации хлебозаготовительной кампании на 1928–29 год» было достаточно четко сказано, что *«в основе этих [хлебозаготовительных] затруднений лежало резкое нарушение рыночного равновесия»*^{*}. Правда, при этом было найдено и

---

^{*} Здесь и далее в монографии курсивом выделены цитаты из источников и научной литературы. При этом все языковые погрешности и стилистические особенности цитируемого текста передаются дословно, без исправлений. — В.И.

социально-классовое содержание возникшего хлебного кризиса. Едва ли не цитируя выступления на XIV съезде видных деятелей левой оппозиции, резолюция заявляла: *«Эта экономическая обстановка неразрывно была связана со своим социально-классовым выражением. В связи с дальнейшим расслоением деревни она дала возможность кулачеству, удельный хозяйственный вес которого вырос, хотя главная масса хлеба и не находится у него в руках, использовать свои позиции на рынке и оказать вместе с частником довольно значительное влияние на всю рыночную конъюнктуру»*¹⁹.

На июльском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП(б) произошло смещение акцентов. Обострение зерновой проблемы на нем прежде всего объяснялось отсталостью мелкотоварного крестьянского хозяйства, неспособностью его в полной мере обеспечить быстро растущие в связи с развернувшейся индустриализацией потребности страны в хлебе. Что же касается неблагоприятной рыночной конъюнктуры и ошибок, допущенных при планировании кампании, то они лишь способствовали возникновению заготовительного кризиса. Эти же факторы были использованы *«капиталистическими элементами деревни (кулаки, спекулянты) для подрыва хлебозаготовок»*²⁰. Тем не менее в резолюциях апрельского и июльского пленумов ЦК, в отличие от концепции И.В. Сталина, позиция кулачества рассматривалась как вторичная в ряду более общих причин возникновения кризиса хлебозаготовок.

Руководители властных структур Сибири при объяснении факторов хлебного кризиса 1927/28 г. в целом повторяли выводы документов центральных органов Коммунистической партии, хотя акценты в их статьях и выступлениях в большей степени были смещены на показ возросшего сопротивления кулачества²¹. Помимо проблемы хлебозаготовок в регионе активно обсуждались причины затруднений в закупках животного масла. Среди них назывались изменения в специализации животноводства – переориентация с молочно-мясного на мясомолочное направление, кормовой кризис, низкая товарность крестьянских хозяйств как следствие осереднячивания деревни²².

С поражением так называемых правых в трактовке факторов, вызвавших хлебозаготовительный кризис 1927/28 г., безраздельно восторжествовала точка зрения И.В. Сталина. Эта концепция была окончательно оформлена в «Кратком курсе истории ВКП(б)», ставшим своеобразным нормативным документом для советских историков; она воспроизводилась в немногочисленных работах 1930-х – первой половины 1950-х гг., затрагивающих вопросы коммерческих заготовок периода нэпа²³. При этом в них повторялись выводы о монополизации (в новой трактовке – обобществлении) сельскохозяйственного оборота

и замене рыночного механизма ценообразования на плановый; сопротивление кулачества тесно увязывалось с «вредительством» партийных оппозиционеров; аренной ожесточенной классовой борьбы назывались заготовительные кампании не только конца, но и середины 1920-х гг.

Количество работ по проблемам государственного регулирования аграрного рынка периода нэпа существенно увеличилось во второй половине 1950-х — 1980-х гг. Внимание исследователей уделялось преимущественно хлебозаготовкам конца 1920-х гг., а также такой специфической форме вненалоговых заготовок сельхозпродукции, как товарообмен. Последняя проблема имеет достаточно богатую историографию, в которой подтверждается сделанный еще в 1920-е гг. вывод о том, что товарообмен является порождением неизжитых в период перехода к новой экономической политике «военно-коммунистических» иллюзий²⁴.

Большинство авторов, рассматривающих хлебный кризис 1927/28 г., по-прежнему исходили при объяснении его причин из концепции «Краткого курса». Показателен в этом отношении вывод, сделанный в обобщающем труде «История советского крестьянства», который явился своеобразным завершением постсталинского этапа развития отечественной аграрной историографии: *«Кулачество, чувствуя неминуемую гибель, ожесточенно сопротивлялось наступлению социализма в деревне. Оно хотело саботажем хлебозаготовок вынудить партию и государство отказаться от проведения классовой линии в деревне, от социалистических преобразований в сельском хозяйстве <...> Кулак саботировал хлебозаготовки и подбивал на это середняка, который, глядя на кулака, отказывался продавать хлеб государству»²⁵.*

Попытки избежать одномерную трактовку были предприняты лишь в очень немногих работах. Так, концептуальный подход, заложенный в материалах июльского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б), был реализован в порожденной «оттепелью» монографии Ю.А. Мошкова «Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929—1932 гг.)» (М., 1966).

Особенности коммерческих закупок сельхозпродукции в середине 1920-х гг. освещались лишь учеными-экономистами, посвятившими данной теме отдельные разделы своих работ²⁶. Концептуально они также исходили из сделанных в конце 1920-х гг. выводов, положительно оценивая обобществление сферы сельскохозяйственного оборота, переход от рыночных к плановым методам регулирования заготовительных цен, вытеснение с аграрного рынка частного капитала, и

возлагали вину за возникавшие заготовительные трудности на кулачество и частников. Наиболее фундаментальный характер из указанных работ имеют докторская диссертация и депонированная монография Л.Я. Фридберга, уделившего основное внимание организационному построению государственно-кооперативной хлебозаготовительной сети и финансовому обеспечению ее деятельности.

Что же касается советских историков, то вышеуказанные работы экономистов фактически прошли мимо их внимания. Отсюда либо полное отсутствие внимания к рыночным заготовительным кампаниям середины 1920-х гг. в обобщающих коллективных или индивидуальных монографиях, либо их ошибочная трактовка. Так, данная тема не нашла никакого отражения на страницах третьего тома «Истории крестьянства Сибири». В первом же томе «Истории советского крестьянства» заявлялось: *«Успешно прошли заготовительные кампании 1924–25 гг. <...> Закупочные цены оказались взаимовыгодными и ориентировали деревню на дальнейшую товаризацию хозяйства. Движение цен контролировалось государственными органами на территории всей страны»*²⁷. Все три вышеперечисленных тезиса ошибочны и абсолютно не соответствуют действительности.

Положение с изучением коммерческих заготовок сельхозпродукции периода нэпа в сибиреведческой исторической литературе было в целом аналогичным. В ней основное внимание также уделялось хлебозаготовкам начала и конца 1920-х гг.²⁸ В третьем томе «Истории крестьянства Сибири» дается подобная общесоюзной истории крестьянства трактовка причин кризиса 1927/28 г.: *«Накануне массовой коллективизации кулачество пыталось нанести удар по социалистическому строительству путем срыва хлебозаготовительной политики государства. Во время хлебозаготовок 1927/28 г., используя хлебные затруднения в стране, кулаки объявили "хлебную стачку", стремясь вызвать кризис, заставить Советскую власть отказаться от классовой политики в деревне и продиктовать свои условия»*²⁹. Вкладом сибирских историков в разработку официозной доктрины стал вывод о более высокой степени сопротивления местного кулачества как следствия его многочисленности и состоятельности³⁰. Начало исследованию коммерческих заготовок хлебопродуктов середины 1920-х гг. в Сибири было положено в наших работах (в том числе в соавторстве с Н.Я. Гуциным), которые, впрочем, не выходили за рамки общепринятой концепции³¹.

Зарубежные исследователи истории СССР периода нэпа (М. Левин, А. Ноув, Р. Дейвис, Дж. Хьюз и др.³²) при изучении проблем государственного регулирования аграрного рынка основное внимание уделяли

анализу хлебозаготовок конца 1920-х гг. Некоторые специалисты в своих работах использовали сибирский материал. Трактую заготовительный кризис 1927/28 г., большинство из них основывались на концептуальных построениях 1920-х гг., называя в качестве главных причин его возникновения низкую товарность зернового хозяйства как следствие аграрной революции, замену рыночного механизма регулирования экономики на директивный, особенности конъюнктуры и неблагоприятное для производства и продажи хлеба соотношение цен. При этом полностью отрицалась концепция «кулацкой хлебной стачки». В обострении классовой борьбы в деревне, по их мнению, были виновны не кулаки, а И.В. Сталин, который во время поездки в Сибирь в январе 1928 г. дал санкцию на развязывание антикрестьянского террора.

Принципиальные изменения в отечественной историографии проблемы начались в конце 1980-х гг., когда исследователи получили возможность выйти за рамки официальной исторической парадигмы. Более доступными стали архивные фонды в центре и на местах. Началась публикация новых документальных материалов³³, появились аналитические работы, в которых пересматривались традиционные догмы и выдвигались новые концепции³⁴. При этом прежде всего произошел всеобщий и достаточно безболезненный отказ от концепции «кулацкой хлебной стачки» как первопричины хлебного кризиса 1927/28 г. При анализе предпосылок возникновения заготовительных трудностей конца 1920-х гг. был выявлен и введен в научный оборот факт предшествующего им хлебозаготовительного кризиса 1925/26 г. Началось изучение рынков животного масла³⁵ и льноволокна³⁶. Ряд исследователей при освещении советской экономики и экономической политики большевистского режима в период нэпа значительное место уделили анализу конъюнктуры сельскохозяйственного рынка³⁷. Нами был проведен специальный анализ государственного регулирования хлебного рынка в 1921—1927 гг. в масштабах страны в целом³⁸. Проблемы хлебозаготовок в условиях нэпа коснулись авторы обобщающего труда «Россия нэповская» (М., 2002).

Несмотря на расширение тематических рамок изучения проблемы государственного регулирования сельскохозяйственного рынка, в центре исследовательских интересов постсоветской историографии нэпа по-прежнему находился хлебозаготовительный кризис 1927/28 г. Анализ его причин присутствует практически во всех статьях и монографиях, посвященных теме свертывания нэпа. Естественным представляется появление большого количества работ, в которых затрагиваются вопросы, связанные с поездкой И.В. Сталина в Сибирь и особенно

стями проведения хлебозаготовительной кампании 1927/28 г. в сибирской деревне³⁹.

При этом ряд сибирских историков пришли к выводу о неслучайности поездки Сталина именно в Сибирь⁴⁰. По мнению И.П. Иконниковой и А.П. Угроватова, генсек, во-первых, избрал «для проведения своих взглядов в жизнь» регион, находящийся «подалее» от центральных органов власти и прежде всего от Бухарина, Рыкова и Томского, поскольку считал, что предлагаемые им меры преодоления кризиса не встретят у последних «сочувствия». Во-вторых, он «хотел посмотреть, как отреагирует на чрезвычайные меры в большинстве своем крестьянская по составу сибирская партийная организация»⁴¹. И.В. Павлова, напротив, считает, что именно в Сибири Сталину было «проще начать наступление на крестьянство, проще начать применение чрезвычайных мер в качестве основного средства разрешения хлебозаготовительного кризиса», поскольку он знал, что край возглавляют чиновники, отличавшиеся приверженностью к административным методам реализации аграрной политики, а социальные низы сибирского села являются надежной опорой для развязывания гражданской войны в деревне⁴².

Наибольшую дискуссию на современном этапе развития отечественной историографии вызвала рассматриваемая в контексте противоречий нэпа трактовка базовых причин возникновения хлебных кризисов середины и конца 1920-х гг. и кризиса 1927/28 г. в частности. По мнению Ю.П. Бокарева и Н.С. Симонова, причины нэповских кризисов заключались в объективно существовавших противоречиях между индустриальным и мелкотоварным крестьянским укладами. О.Р. Лацис зафиксировал противоречия между хозяйственными устремлениями крестьян и задачей создания накоплений для индустриализации. Г.А. Бордюгов и В.А. Козлов видели причины хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. в несоответствии возможностей сельского хозяйства задачам создания фондов накоплений, необходимых для проведения индустриализации страны. Ю.М. Голанд, Г.И. Ханин, Б.С. Пинскер и другие выводили этот и другие кризисы нэпа из противоречий между авторитарным режимом и рыночными методами регулирования экономики, В.П. Дмитренко – из противоречий между объективными закономерностями экономического роста и доктринальными политическими программами преобразования страны. М.М. Горинев и И.Б. Орлов указали на противоречия в самой экономической системе нэпа, в рамках которой не были решены основные проблемы дореволюционной российской экономики.

В наших работах высказана точка зрения о том, что причины заготовительных кризисов периода нэпа заключаются в объективно существующих противоречиях между крестьянством и государством по поводу уровня и соотношения сельскохозяйственных и промышленных цен. Подобные противоречия присущи не только Советской России. Однако они усиливаются в том случае, если крестьянству противостоит государство, ставящее своей целью проведение модернизации экономики на нерыночной основе. Задержка реализации сельхозпродукции ее производителями, непосредственно вызывающая кризисы заготовок, является средством давления на государство, наиболее массовой и действенной формой классовой борьбы крестьянства.

Несмотря на различия в трактовке фундаментальных оснований хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г., абсолютное большинство исследователей, в той или иной мере затрагивающих данную проблему, считают, что его непосредственной причиной стало связанное с конъюнктурными особенностями года сокращение крестьянами реализации произведенного ими зерна. Однако наряду с данной позицией существует не столь распространенное мнение о том, что причиной кризиса являлось не нежелание крестьян продавать свой хлеб по низким закупочным ценам, а отсутствие у них запасов зерна, необходимых для удовлетворения запросов страны или правящего режима.

Так, В.П. Данилов, который первоначально занимал общепринятую позицию⁴³, в конце 1990-х гг. пришел к выводу о том, что кризис был спровоцирован путем сознательной фальсификации данных о товарных запасах зерна в крестьянских хозяйствах и принятия в связи с этим завышенного заготовительного плана. По его мнению, *«миф о хлебном изобилии, созданный посредством немыслимых в статистике преувеличений, должен был убедить правящие верхи (а тем самым и возглавляемую ими главную общественную силу – большевистскую партию) в возможности получения такого количества зерна, которое обеспечивало, наконец, решение проблемы средств для ускоренной индустриализации, для укрепления обороны.»* При этом «сталинское руководство», стремилось *«убедить партийно-государственные верхи в необходимости реализовать эти возможности и любыми средствами взять у крестьянства хлеб в объеме, достаточном для решения "очередных задач"»*⁴⁴.

Еще один исследователь, И.В. Кочетков, продолжая линию июльского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б), выводит причины заготовительного кризиса 1927/28 г. из «глубокого кризиса» зернового производства, который стал *«частью общего упадка мелкого крестьянского земледелия»*⁴⁵. По его мнению, *«крестьянские хозяйства, производив-*

шие зерно, в целом не располагали производственным потенциалом, достаточным, хотя бы для удовлетворения собственных продовольственных потребностей»⁴⁶. При этом он считает, что традиционный для отечественной историографии вывод о восстановлении в середине 1920-х гг. довоенного уровня посевных площадей под зерновыми культурами основывается на «откровенной» статистической фальсификации.

Если для современного этапа отечественной историографии проблемы государственного регулирования аграрного рынка в период нэпа характерно интенсивное поступательное движение, которое заключается во введении в научный оборот большого количества новых документальных материалов и разнообразии их концептуальных оценок, то зарубежные исследователи в это время каких-либо принципиальных новаций в разработку темы не внесли.

Подводя итоги историографического обзора, следует отметить, что несмотря на наличие достаточно большого количества работ, в той или иной мере затрагивающих данную проблему, изученность ряда ее аспектов, особенно на региональном уровне, остается недостаточной. Среди них – государственное регулирование заготовок иных (кроме хлеба) видов сельскохозяйственной продукции, общее и особенное в проведении политики регулирования рынка, экономическое поведение крестьянства.

Источниковая база настоящей монографии включает как опубликованные, так и неопубликованные материалы, извлеченные из фондов федеральных (ГАРФ, РГАЭ, РГАСПИ) и региональных сибирских государственных архивохранилищ (госархивы и центры хранения архивных фондов Новосибирской, Иркутской, Кемеровской, Омской, Томской областей, Алтайского и Красноярского краев). Положенные в основу исследования документы и материалы классифицируются по следующей схеме:

1. Нормативные документы, к которым относятся законодательные акты, постановления, имеющие директивный характер резолюции, и циркуляры органов партийно-государственного управления. Это опубликованные и имевшие в 1920-е гг. секретный характер неопубликованные документы, подразделяемые по уровню принятия властных решений на центральные (документы съездов, ЦК и Политбюро большевистской партии, СТО, СНК СССР и РСФСР, ЦИК СССР, ВЦИК), общесибирские (документы Сиббюро ЦК РКП(б), Сибкрайкома, Сибревкома, Сибкрайисполкома) и местные (документы губкомов и окружкомов партии, губ- и окрисполкомов).

2. Делопроизводственные документы партийных, советских, хозяйственных, плановых, карательных (включая ГПУ), контрольных, статистических, кооперативных органов и учреждений, торгово-закупочных организаций. Делопроизводственная документация извлечена из государственных архивохранилищ и делится на организационно-распорядительную, учетно-контрольную и отчетно-информационную.

3. Статистические источники – преимущественно опубликованные материалы оперативной (периодическая печать) и итоговой (статсборники) статистики заготовок, цен и аграрного производства. На основе разнообразных статистических источников с учетом сопоставимости данных в работе составлен ряд таблиц, позволяющих показать динамику централизованных закупок и эволюцию закупочных цен.

4. Опубликованные обзоры и аналитические материалы, в которых описывается динамика рыночной конъюнктуры (соотношение спроса и предложения, цены), ход и итоги отдельных заготовительных кампаний, формы и методы государственного регулирования рынка. По степени оперативности данный вид источников подразделяется на газетные публикации, статьи и обзоры в журналах и сборниках, брошюры.

Основным методом выявления полноты и достоверности используемых источников являлся совокупный сравнительный анализ. При этом учитывались: отразившаяся на содержании документов иерархичность советской хозяйственно-политической системы; деление партийно-государственной информации на открытую и секретную; место авторов или составителей документов в идейно-политической борьбе исследуемого периода (принадлежность к различным научным направлениям, внутрипартийным группировкам); методика сбора и обработки положенных в основу источника материалов, их репрезентативность.

Разнообразный документальный материал с учетом его внутренней и внешней критики создал надежную базу для достоверного изображения исследуемого процесса.

---

¹ Достаточно подробный обзор различных точек зрения по проблеме хронологии нэпа сделан И.Б. Орловым в его книге «Новая экономическая политика: история, опыт, проблемы» (М., 1999. С. 39–42).

² Рассчитано по: Статистический справочник СССР за 1928 г. М., 1929. С. 178–180, 184–185; Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1927. № 11. С. 47, 49; № 18. С. 42–43.

---

³ Жизнь Сибири. 1926. № 4. С. 24–25.

⁴ См.: *Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.)*. Новосибирск, 1983. С. 96–97.

⁵ Сроки проведения заготовительных кампаний в исследуемый период были различными. Кампании по товарообменным заготовкам хлебопродуктов и животного масла, начинавшие разворачиваться весной 1921 г., завершились к весне и осени 1922 г. соответственно. Маслозаготовительная кампания (сезон) 1922 г. проводилась с весны до конца текущего года. Сезон 1923 г. охватывал рамки календарного года, а сезон 1924 г. завершился в сентябре. С осени 1924 г. и в Сибири, и в других регионах страны кампании по заготовкам масла по времени стали совпадать с финансово-хозяйственным годом, начинаясь в октябре и заканчиваясь в сентябре следующего года. С 1922 г. хлебозаготовительные кампании в СССР в целом официально стартовали в июле, когда начиналась уборка зерновых в основных хлебопроизводящих регионах европейской части страны. В Сибири в связи с более поздними сроками созревания зерновых хлеб нового урожая поступал на рынок в сентябре. Соответственно на сентябрь сдвигалось и фактическое начало хлебозаготовительных кампаний. Несовпадение по времени кампаний по хлебозаготовкам в Сибири и в стране в целом, а также их несовпадение с финансово-хозяйственным годом создавало определенные, но вполне разрешимые затруднения при использовании статистического материала. В различных источниках итоги хлебозаготовительных кампаний могли подводиться с июля по июнь, с сентября по август или с октября по сентябрь, т.е. за общегосударственный заготовительный, региональный заготовительный и финансово-хозяйственный годы соответственно.

⁶ *Бухарин Н.И.* Партия и оппозиция на пороге XV партсъезда: Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 26 октября 1927 г. // Н.И. Бухарин. Избр. произв. М., 1988. С. 326; *Контев К.Н., Бердяев Г.С.* Пять лет хлебной торговли в СССР (1922—1927 гг.) // Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1927. № 21–22. С. 32; Второй краевой съезд Советов Сибири (1–6 апреля 1927 г.). Газетные репортажи и документы. Новосибирск, 1991. С. 112–114 (доклад зав. сибкрайторготделом А.Н. Злобина); и др.

⁷ *Вайнштейн А.Л.* Хозяйственные затруднения 1926–27 г. // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11–12. С. 154.

⁸ Правда. 1925. 15 дек.; Социалистическое хозяйство. 1925. № 6. С. 46.

⁹ *Кондратьев Н.Д.* Современное состояние народно-хозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1925. № 6.

¹⁰ *Вайнштейн А.Л.* Итоги и конъюнктура 1925–26 хозяйственного года // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1926. № 11–12. С. 9.

¹¹ XIV съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М.; Л., 1926. С. 264, 266.

¹² Там же. С. 39, 417; *Бухарин Н.И.* Новое откровение о советской экономике или как можно погубить рабоче-крестьянский блок. К вопросу об экономическом обосновании троцкизма // Н.И. Бухарин. Избр. произв.

¹³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4. С. 11.

¹⁴ Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1928. № 1. С. 2.

---

¹⁵ См.: Бухарин Н.И. Избр. произв. С. 400–401.

¹⁶ XV съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1962. Ч. 2. С. 859–860; *Бухарин Н.И.* Заметки экономиста. К началу нового хозяйственного года // Н.И. Бухарин. Избр. произв. С. 403–405.

¹⁷ *Сталин И.В.* Соч. М., 1953. Т. 11. С. 2.

¹⁸ Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927—1939. М., 1999. Т. 1: май 1927 – ноябрь 1929.

¹⁹ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 315, 316.

²⁰ Там же. С. 351.

²¹ *Сырцов С.И.* Некоторые итоги хлебозаготовок (Из доклада на собрании Новосибирской организации 17 февраля 1928 г.) // За четкую классовую линию. Новосибирск, 1929; *Эйхе Р.И.* О недочетах и извращениях в хлебозаготовках (Из доклада на мартовском (1928 г.) пленуме крайкома) // Там же.

²² *Минеев М.* К вопросу о маслоделии и маслозаготовках в Сибири // Жизнь Сибири. 1928. № 9–10; *Он же.* О сибирской корове и ее жизненном уровне // На ленинском пути. 1928. № 5; *Степаненко И.* Можно ли говорить о кризисе маслоделия // Земельный работник Сибири. 1928. № 11–12; и др.

²³ *Чернов М.А.* Как разрешена зерновая проблема (1929/30—1930/31 гг.) // Ежегодник хлебооборота. № 4: 1929/30—1930/31 гг. М., 1932; *Моисеев М.И.* Экономические основы государственных заготовок сельскохозяйственных продуктов. М., 1955; *Краев М.А.* Победа колхозного строя в СССР. М.; Л., 1954; СССР в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). М., 1955; *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. 3; и др.

²⁴ *Чмыга А.Ф.* Из истории организации товарообмена в Советской России в 1921 г. // Научн. докл. высшей школы. Исторические науки. 1958. № 1; *Дмитренко В.П.* Торговая политика Советского государства после перехода к нэпу. 1921—1924. М., 1971; и др.

²⁵ История советского крестьянства. М., 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927 – 1937. С. 32.

²⁶ *Малафеев А.Н.* История ценообразования в СССР. 1917—1963 гг. М., 1964; *Яковцевский В.Н.* Аграрные отношения в СССР в период строительства социализма. М., 1964; *Вайнштейн А.Л.* Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период (1921—1928 гг.). М., 1972; История социалистической экономики. М., 1976. Т. 2; *Фридберг Л.Я.* Государственные закупки хлеба и борьба с частным капиталом на хлебном рынке в годы НЭПа (1924—1927 гг.) // Вопросы политической экономики (Учен. зап. Моск. фин. ин-та). М., 1963; *Он же.* Государственные заготовки и образование хлебного фонда в СССР (1921—1940 гг.). Автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 1973; *Он же.* Государственный хлебный фонд СССР и финансово-экономические рычаги его образования (1921—1929 годы): Исторический очерк. М., 1976. (Рукопись деп. в ИНИОН РАН); и др.

²⁷ История советского крестьянства. М., 1986. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917—1927. С. 283.

²⁸ *Введенская А.Г.* Развитие товарообмена в сибирской деревне в 1921 г. // Из истории сельского хозяйства советской Сибири. Иркутск, 1967; *Дудукалов В.И.* Деятельность партийных организаций Сибири по развитию советской торговли в

первые годы нэпа (1921—1923 гг.). Томск, 1976; *Он же*. Развитие советской торговли в Сибири в годы социалистического строительства (1921—1928 гг.). Томск, 1978; *Бурков В.Н.* К вопросу о роли деревенских партийных организаций Западной Сибири в хлебозаготовительной кампании 1927—1928 гг. // Материалы научной конференции кафедр общественных наук институтов г. Омска. Омск, 1965; *Егорова Л.П.* Хлебозаготовительная кампания 1927—1928 г. и борьба с кулачеством в западносибирской деревне // Вопр. истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3; *Гущин Н.Я.* Хлебозаготовительная политика в сибирской деревне в 1927—1929 гг. и ее влияние на ограничение и вытеснение кулачества // Советское крестьянство – активный участник борьбы за социализм и коммунизм: Докл. и сообщ. участников межвуз. научн. конф., посв. 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Барнаул, 1969; *Он же*. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926—1933 гг.): Курс лекций. Новосибирск, 1972; *Ларина А.Н.* Партийная организация Сибири в борьбе за преодоление хлебных затруднений в стране в 1927/28 г. // Труды Алтайск. политехн. ин-та им. И.И. Ползунова. Барнаул, 1972. Вып. 20; и др.

²⁹ Крестьянство Сибири в период строительства социализма. С. 210.

³⁰ См.: *Пестриков Ф.С.* Партийные организации Западной Сибири в борьбе за победу колхозного строя (1927—1937 гг.). Новосибирск, 1966. С. 7, 15; *Стеничев И.С.* Победа ленинского кооперативного плана в восточносибирской деревне. Иркутск, 1966. С. 75, 260, 367; *История Сибири*. Л., 1968. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. С. 228, 235; и др.

³¹ *Ильиных В.А.* Классовая борьба вокруг хлебозаготовок в Сибири в середине 20-х годов // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Серия истории, филологии и философии. 1985. Вып. 2. № 9; *Гущин Н.Я., Ильиных В.А.* Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987; и др.

³² *Ноув А.* Новая экономическая политика. НЭП (отрывки из книги A Nove. An Economic History of the USSR. Middlesex. 1982) // Проблемы Восточной Европы. NY. 1987; *Davies R.W.* Socialist Offensive. Collectivization of the Soviet Agriculture. 1929—1930. L., 1980; *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* Further Thoughts on the First Five-Year Plan // Slavic Review. 1975. December; *Karcz J.F.* The Economics of Communist Agriculture. Bloomington. 1979; *Littlejohn G.* The Agrarian Marxist Research in Its Political Context; State Policy and the Development of the Soviet Rural Class Structure in the 1920s // J. of Peasant Studies. 1984. № 2; *Lewin M.* Russian Peasants and Soviet Power. A Study of Collectivization. L., 1968; *Millar J.R.* The ABCs of Soviet Socialism. Urbana; Chicago; L., 1981; *Hughes J.* Stalin, Siberia and the Crisis of the New Economic Policy. Cambridge, 1991; и др.

³³ Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927—1932 гг. М., 1989; 1928 год. Поездка И.В. Сталина в Сибирь. Документы и материалы // Известия ЦК КПСС. 1991. № 5, 6, 7; *Ильиных В.А.* Хлебозаготовительная кампания 1924/25 г.: ОГПУ как инструмент регулирования рынка // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 2; Трагедия советской деревни. Т. 1; Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928—1929 гг.: в 5 томах. М., 2000. Т. 1: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6—11 апреля 1928 г.; Т. 2: Пленум ЦК ВКП(б) 4—12 июля 1928 г.; и др.

---

³⁴ «Круглый стол»: Советский союз в 20-е годы // *Вопр. истории*. 1988. № 9; «Великий перелом» в деревне (дискуссия по проблемам коллективизации) // *Изв. СО РАН СССР. Сер. истории, филологии и философии. Вып. 1*. 1989; *Бордюгов Г., Козлов В.* Время трудных вопросов (история 20–30-х годов и современная общественная мысль // *Урок дает история*. М., 1989; *Лацис О.* Перелом // *Суrowая драма народа. Ученые и публицисты о периоде сталинизма*. М., 1989; *Голанд Ю.М.* Эффект чрезвычайных мер. Кризисы 1925—1928 гг. // *ЭКО*. 1990. № 2; *Симонов Н.С.* В преддверии «великого перелома» (Причины «свертывания» новой экономической политики) // *Вопросы истории КПСС*. 1990. № 3; *Ильиных В.А.* Соотношение форм классовой борьбы в сибирской деревне в условиях нэпа (1924—1927 гг.) // *Актуальные проблемы истории советской Сибири*. Новосибирск, 1990; *Пинскер Б.* Накануне второй гражданской войны. Как плановое регулирование цен привело к коллективизации // *Знание – сила*. 1990. № 1; *Гуцин Н.Я.* Коллективизация в Сибири (некоторые проблемы и уроки) // *Развитие форм социалистической собственности в сибирской деревне: исторический опыт и современность*. Новосибирск, 1991; *Данилов В.П.* Коллективизация сельского хозяйства СССР // *История СССР*. 1990. № 5; *Он же.* Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) // *Трагедия советской деревни*. Т.1; *Кочетков И.В.* К вопросу о причинах хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. // *Общество и власть*. Ч. 1. Спб., 2001; и др.

³⁵ *Ильиных В.А.* Маслозаготовительная кампания 1924/25 г. в Сибири: методы государственного регулирования // *К истории предпринимательства в Сибири (Материалы Всероссийской научной конференции)*. Новосибирск, 1995). Новосибирск, 1996; *Он же.* «Масляная война» 1923—1928 гг. в Сибири (государство, кооперация и частный капитал на заготовительном рынке в условиях нэпа). Новосибирск, 1996; и др.

³⁶ *Кабанов А.Ю.* План и кооперация на внутреннем и внешнем рынках льняной продукции 20-х гг. // *Аграрный рынок в историческом развитии*. Екатеринбург, 1996.

³⁷ *Бокарев Ю.И.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. М., 1989; *Голанд Ю.М.* Кризисы, разрушившие нэп. М., 1991.

³⁸ *Ильиных В.А.* Коммерческие хлебозаготовки в 1921—1927 гг.: от отмены к восстановлению хлебной монополии // *Развитие форм социалистической собственности в сибирской деревне: исторический опыт и современность*. Новосибирск, 1991; *Он же.* Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921—1927 гг.). Новосибирск, 1992; *Он же.* Генеральная репетиция «хлебной стачки» или кампания несбывшихся надежд (хлебозаготовки в 1925/26 г.) // *Советская история: проблемы и уроки*. Новосибирск, 1992; *Он же.* Государственное регулирование заготовительного хлебного рынка в условиях нэпа (1921—1927 гг.) // *НЭП: приобретения и потери*. М., 1994; и др.

³⁹ *Демидов В.В.* Хлебозаготовительная кампания 1927/28 г. в сибирской деревне // *Актуальные проблемы истории советской Сибири*. Новосибирск, 1990; *Иконникова И.П., Угроватов А.П.* Сталинская репетиция наступления на крестьянство // *Вопр. истории КПСС*. 1991. № 1; *Курилов И., Михайлов Н.* Секретная

командировка вождя (Зачем Сталин ездил в Сибирь в 1928 г.) // Тайны специального хранения. М., 1992; Демидов В.В., Угроватов А.П. Неизвестный визит // Земля Сибирь. 1992. № 1; Белковец Л.П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири. Конец 1920-х – 1930-е годы. М., 1995; Павлова И.В. Поездка Сталина в Сибирь. Почему в Сибирь? // ЭКО. 1995. № 2; Она же. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001; Гуцин Н.Я. Раскулачивание в Сибири (1928—1934 гг.): методы, этапы, экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996; Безруков Г.Н. Приезд И.В. Сталина на Алтай. Барнаул, 1997; Панков С.А. Сталинский террор в Сибири. 1928—1941. Новосибирск, 1997; Угроватов А.П. Нэп и законность (1921—1929). Новосибирск, 1997; Косачев В.Г. Накануне коллективизации. Поездка И.В. Сталина в Сибирь // Вопросы истории. 1998. № 5; Дроздков А.В. Хлебозаготовительный кризис в Сибири в 1927/28 г. Омск, 2001; Познанский В.С. К истории поездки И.В. Сталина в Сибирь // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002; и др.

⁴⁰ 9 января Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о командировании в регион в качестве уполномоченного ЦК и СТО по хлебозаготовкам Г.К. Орджоникидзе, однако последний, по официальной версии, заболел, и в Сибирь отправился И.В. Сталин.

⁴¹ Иконникова И.П., Угроватов А.П. Сталинская репетиция... С. 72; Угроватов А.П. Нэп и законность. С. 76.

⁴² Павлова И.В. Механизм власти... С. 74–97.

⁴³ См., например: Урок дает история. М., 1989. С. 143.

⁴⁴ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 21.

⁴⁵ Кочетков И.В. К вопросу о причинах хлебозаготовительного кризиса... С. 131, 133.

⁴⁶ Кочетков И.В. Зерновое производство в годы нэпа: действительность и возможности // Экономическая история России XIX—XX вв.: современный взгляд. М., 2000. С. 102.